

Этические и религиозные искания А.Н. Радищева

Эпоха А.Н. Радищева – это вторая половина XVIII в., когда в России обозначился небывалый интерес к европейской культуре и господствовавшим в ней идеям Просвещения. Вместе с просветительскими теориями в русские умы стали проникать рационализм и механистический материализм, «неизбежные спутники атеистического полупросвещения». Так или иначе, эти философские концепции ставили под сомнение Божественное единоначалие мироздания, и, следовательно, само существование Бога, что и определило не только умонастроение, но и мировоззрение целого поколения людей второй половины XVIII в. Как подчеркивал Ю.Н. Давыдов, «важнейшим, определяющим моментом такого мирозерцания становилась не просто утрата веры в Бога, но полная утрата веры в какие бы то ни было общезначимые абсолюты ... кроме Смерти» [1, с.20].

Действительно, в душах наиболее вдумчивых современников Радищева поселился ужас перед смертью, который вел к череде бессмысленных, на первый взгляд, самоубийств. Историческая литература о последней четверти XVIII в. дает немало примеров, свидетельствующих о том, что умные и даже благополучные люди добровольно уходили из жизни. Смерть завораживала и пугала их одновременно. Так, богатый и образованный ярославский помещик Опочинин, решив в 1793 г. покончить с собой, писал в завещании: «Я никакой причины не имел пресечь свое существование. Будущее, по моему положению, представляло мне своевольное и приятное существование. Но сие будущее миновало бы скоропостижно. А напоследок самое отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня разрушить самовольно мою судьбу» [2, с. 225].

Певца Фелицы, любителя «забавного русского слова», «правды в шутках» и «истины с улыбкой» Г.Р. Державина тоже периодически охватывал ужас смерти непонятной стихийной силы, при одной мысли о которой «цепенеет кровь и дух мятется». Или светлейший князь Тавриды Г. Потемкин, «сын роскоши, прохлада и неги», постоянно переходил от удалого разгула к взрывам глубокой, неизъяснимой тоски и тяжелого сплина. Порой «отуманивалось» «веселонравие» даже самой Екатерины II. Вопрос о смерти четырежды вставал и перед Радищевым, причем не всегда в метафизической сущности.

Впервые Радищев столкнулся с реальностью смерти 7 июня 1770 г., когда после долгой болезни скончался его друг Ф.В.Ушаков. Узнав от лечащего врача о своей близкой и неизбежной смерти, Ушаков просил своего друга дать ему яду, дабы прекратить свои физические и нравственные страдания. Радищев до конца жизни испытывал чувство вины и раскаяния в том, что не смог исполнить его просьбу.

Этот факт оставил неизгладимый след в душе писателя. Думается, прав был А.С.Пушкин, когда писал, что Ушаков преподавал будущему автору «Путешествия из Петербурга в Москву» «самый страшный урок»: «Самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений» [3, с.241].

Действительно, Радищев постоянно думал об этом и неоднократно обсуждал эту тему на страницах своих произведений. А итог его собственной жизни говорит о том, что для писателя проблема самоубийства имела глубоко личное значение.

Самоубийство Радищев считал своеобразным подвигом. В «Житии Федора Ушакова» он восклицал: «И поистине нужна неробость и крепость душевных сил, дабы взирать твердым оком на разрушение свое. Сравни умирающего на лобном месте или отъемлющего у себя жизнь насильственно с умирающим нетрепетно по долговременной болезни на одре своем и скажи, кто мужественнее был, испуская дух бодрственно» [4, с.119].

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что Радищев, приравнивая самоубийство к гибели на лобном месте, подразумевал идею революционного подвига, а в желании Ушакова расстаться с жизнью усматривал форму революционного протеста. Писатель не раз говорил о естественном и даже животном ужасе человека перед собственной смертью вне зависимости от ее причины. Поэтому добровольный уход из жизни, по его убеждению, есть преодоление человеком собственной природы, требующее мужества и силы духа. Именно в этом он усматривал героический смысл самоубийства, и вот почему его так впечатлила личность Федора Ушакова: «Пиющий Сократ отраву перед друзьями своими наилучшее преподавал им учение, какого во всем житии не возмог» [4, с.118].

Пройдя через ужас ожидания казни (Радищеву первоначально был вынесен смертный приговор палатой уголовного суда и утвержден сенатом в наказание за «Путешествие из Петербурга в Москву»), смерть горячей любимой жены А.В. Рубановской, семилетнюю ссылку в Илимск, безвременную кончину второй супруги Е.В. Рубановской, он не оставлял размышлений о самоубийстве и продолжал восхищаться способностью немногих «отторгнуть жизнь».

В философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном в ссылке, он восторженно восклицал: «И поистине, нужно великое, так сказать, сосредоточение самого себя, чтобы решиться отнять у себя жизнь, не имея иногда причины оную возненавидеть» [5, с.123].

Следует отметить, что в литературе XVIII в. обнаруживается множество примеров героизации смерти, что свидетельствует о мироощущении эпохи. Я.Б.Княжнин, А.П.Сумароков, М.В.Ломоносов воспевали добровольную смерть античных героев-тираноборцев, обуславливая их самоубийство идеей гражданской добродетели. И Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» тоже вспоминал «благородного республиканца» Катона, который заколол себя кинжалом, не пожелав

подчиниться диктатуре Цезаря, и называл Катона примером для подражания (глава «Крестыцы»).

Но в тираноборческом самоубийстве автор книги видит также проявление естественного права человека, данного ему, как и жизнь, от природы. Не каждый этим правом может воспользоваться: готовность к гибели – это признак сильной и свободолюбивой личности. Страх смерти порождает рабство духа, согласие жить в унижающих обстоятельствах. Поэтому самоубийство иногда является единственным способом защиты своего человеческого достоинства и своих естественных прав. «Если ненавистное щастие, - восклицал крестицкий дворянин, которому он доверил, по сути, собственные мысли, - изотщит над тобою все стрелы свои, если добродетели на земли не останетца, не будет тебе покрова от угнетения; тогда вспомни, что ты человек, вспомни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатца. - Умри. - В наследство вам оставляю слово умирающего Катона», - писал автор «Путешествия...» [4, с. 131].

Оправдание самоубийства, пусть и логично выстроенное, дискредитируется, однако, другой проблемой, у которой нет и быть не может рационального решения: что будет с человеком там, за роковой чертой? И в главе «Чудово», словно шекспировский Гамлет, размышляющий о «неизвестности после смерти», Радищев этот вопрос задал: «Ужас последнего часа прободал мою душу. Я видел то мгновение, что существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность» [4, с. 64].

Как человек эпохи рассудочности и скептицизма, Радищев пытался «эвклидовым умом» (Достоевский) решить вопрос о бессмертии, т. е. найти рациональные и чувственные доказательства возможности жизни после смерти. Но Радищев никогда не задумывался о значении веры в бессмертие как этического императива в земной жизни человека. Его отношение к религии, как у большинства идеологов западного Просвещения, было утилитарным. Он усматривал «полезность» идеи бессмертия в том, что она облегчает уходящему из жизни нравственные страдания. «Страсть, действующая в умирающем без болезни пред кончиной его живет и крепит дух. Нередко таковой зрит за пределы гроба и чаёт возродиться. Когда же в человеке истощением сил телесных истощаются и душевные, сколь трудно укрепить дух противу страха кончины, а тем паче тому, кто нисходя во гроб за оным ничего не видит» [5, с.19].

В трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» автор привел целый ряд доводов за и против бессмертия, зачастую исключаящих друг друга. Он высказывал материалистическую мысль о зависимости духа от тела, и, следовательно, писал о смерти души вместе со смертью физической, а через несколько страниц уверял, что «человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушится не может... Цель его на земли есть совершенствование, та же пребудет и по его смерти».

Советская философская наука корила Радищева за эти несообразности, объясняя их механистической ограниченностью и метафизической слабостью материализма XVIII в. Однако Радищев не был ни последовательным деистом, ни последовательным материалистом, ни откровенным скептиком; его нельзя считать и вполне христианином. Он был человеком сомневающимся. Точнее всего, видимо, охарактеризовал своего отца П.А. Радищев: «Он уважал Спинозу и Гельвеция, как людей добродетельных и благонамеренных, глубокомыслящих, но сам никогда не был атеистом. Сомнения не есть еще атеизм» [6].

Следуя духу времени, Радищев пытался логически обосновать идею Бога. С одной стороны, в традициях Руссо он трактовал Бога как мирового механика, единожды создавшего вселенную и уже более не вмешивающегося в судьбы своего творения: «Первый мах в творении всемогущ был: вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия» [4, с. 113]. С другой стороны, в традициях платонизма и натурфилософии Радищев превозносил совершенство мироздания, проистекающее из Божественной премудрости. Признавая непостижимую сущность Бога-творца, он все же определял его атрибуты: вечность, бесконечность, абсолютность, всемогущие, всещедрость, премудрость... В своих художественных и философских сочинениях Радищев неустанно воздавал хвалу Господу, обращал к нему свои восторженные молитвы. Но нигде он не коснулся религиозно-догматических оснований идеи бессмертия души. Ни воздаяние, ни Страшный суд, ни христианская эсхатология не нашли осмысления в его творчестве.

Более того, Радищев отмечал, что формы вероисповедания национально и исторически обусловлены. «Смертные в заблуждении своем странном» представляют Бога в различных образах, нарекают разными именами, придумывают способы поклонения. «Егова, Юпитер, Брама: Бог Авраама, Бог Моисея, Бог Конфуция, Бог Зороастра, Бог Сократа, Бог Марка Аврелия, Бог христиан, о Бог мой! Ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось не тебя чтили единого, но боготворили они Твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела», - восклицал Путешественник в главе «Бронницы», когда на месте древнего языческого капища увидел церковь Иоанна Предтечи» [4, с.101].

Радищев сомневался в официальной церкви, обряды называл мистицизмом и «мракобесием», не считал существенными для веры церковные догматы. А если и верил в Бога, то Бога безличного, не русского, не христианского.

В стремлениях Радищева найти логические ответы на вопросы: «есть Бог», «несть Бога», есть смерть, нет смерти - обнаруживается своего рода этический конфликт между Радищевым - мыслителем и Радищевым - человеком. В минуты горестей и страданий, во дни гонений и напастей Радищев освобождался от «блужданий» своего разума и доверялся голосу своего искреннего сердца, подпитывался от данной ему религиозными родителями «силы». Значительную роль в данном случае играли семейные традиции. В автобиографической «Повести о Филарете» Радищев

охарактеризовал духовную среду, возвращенную отцом, Николаем Афанасьевичем, и матерью, Феклой Саввичной, «супругами добродетельными, религиозными и гуманными». Среду, которая дала будущему писателю «силу, вся содержащую, всему предел положившую, вся оживляющую, в коей теряется и самое разрушение». Интересно, что отец Радищева, получивший хорошее образование в сухопутном кадетском корпусе и дослужившийся на военной службе до чина подполковника, в старости проводил время в обществе монахов, периодически уходил в лес, где жил отдельно от семьи, посвящая себя молитвам. А потом даже совсем оставил свой дом и поселился в Саратовской пустыни.

В письме к А.Р.Воронцову от 6 ноября 1797 г. мы находим удивительную по своей искренности благодарственную молитву Радищева не философа, а истощенного несчастьями человека за нечаянную радость, ниспосланную Господом (в Немцове, где он вынужден был жить неотлучно, неожиданно появились оба его старших сына): «Боже, всевышнее существо, утешитель (да, такова была в ту минуту молитва моего иступленного духа...), прими изъявление благодарности сердца, которое любит тебя без страха, души, которая чувствует себя исходящей из твоей неизвестной сущности, и если мольба брэнного существа может достигнуть до твоего престола, на котором, восседаешь ты во всей полноте своего величия, своей бесконечной силы, то благослови руку, которая поддержала меня в моей напасти и отвергла меня в моем несчастьи все, что можно иметь жестокого, и в моей нужде все, что она имеет едкого» [7].

По воспоминаниям П.А. Радищева, собираясь в ссылку, его отец ходил к Иверской Божией Матери и долго и усердно молился со слезами. А «еще в бытность свою в крепости он велел написать себе образ одного святого, ввергнутого в темницу за слишком смело говоренную истину, с надписью: «Блаженны изгнанные правды ради».

По сей день остается открытым вопрос о конце жизни Радищева. Был ли прав Пушкин, объяснивший причину его самоубийства страхом перед возможностью новой ссылки в Сибирь за «республиканский образ мыслей», проявившийся в законодательных проектах Радищева 1801-02 гг.? Или оно произошло в результате пережитой им «духовной драмы» - осознания личностью, чья душа «страданиями человечества уязвлена стала», невозможности изменить этот мир? А может быть самоубийства и не было, а смерть явилась результатом нелепой случайности - неосторожно выпитого ядовитого состава для чистки эполет?

В письмах, в художественных произведениях, в философских опытах Радищев избегал говорить о праве на добровольный уход из жизни применительно к самому себе. Он лишь намекал на некоторые личные обстоятельства, каковые, могли бы толкнуть его на роковой шаг, но расшифровать которые не представляется возможным: «Посторонний, а не вы, может меня вопрошать вследствие моего собственного положения: какое право имею я говорить о смерти человека? - Вопрос не лишний! И я ему скажу... Но, друзья мои, вы дадите за меня ответ вопрошающему...» .

Однако перед лицом собственной кончины Радищев уже не вспоминал о диалектике смерти, о героическом самоубийстве, о Катоне и вряд ли чувствовал себя Сократом. Он жаждал прощения и обрел успокоения у ног русского Бога. Его сыновья свидетельствовали, что перед смертью Радищев «потребовал попа. Священник в ту минуту случился у ворот. Он исповедывался, как хороший христианин, и говорил беспрестанно: «Господи, прими мою душу».

Радищев вошел в историю русской литературы, прежде всего, как автор «гневно-обличительной» книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Но он был не только писателем-социологом, но и писателем-философом, осмысливавшим вечные этические проблемы. В то же время глубокая и противоречивая фигура Радищева оказывалась шире философских систем, к которым его пытались причислить. Так что вопрос об этических воззрениях писателя – это, прежде всего, вопрос о личности Радищева, «блудящего во мраке истины» и, возможно, обретшего ее на пороге небытия.

Литература.

1. Давыдов, Ю. Этика любви и метафизика своеволия / Ю. Давыдов – М. : Мол. гвардия, 1982. – 287 с.
2. Предсмертное завещание русского атеиста / Исторический вестник, январь, 1883. С. 224 – 226.
3. Пушкин, А.С. Александр Радищев / А.С. Пушкин // Собр.соч.: В 10 т. – М. : Художественная литература, 1976. Т.6. С. 239–247
4. Радищев, А. «Путешествие из Петербурга в Москву». Очерки. Стихотворения / А. Радищев – М. : Эксмо, 2006. – 608 с.
5. Радищев, А.Н. А. Н. Радищев – М. –Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1969.
6. Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями. – М.-Л.,1959.
7. Лотман, Ю. «Сочувственник» А.Н.Радищева А.М.Кутузов и его письма к И.П.Тургеневу / Ю. Лотман // Ученые записки Тартуск.гос.ун-та, 1963, вып.139. Труды по русской и славянской филологии. Сб.4.